

УДК 811.161.1

ОБРАЗЫ СЧАСТЬЯ В НАИВНОМ СОЗНАНИИ (экспериментальный аспект)

Е. В. Максимюк

Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия, Омск
E-mail: grechko_ev@mail.ru

Статья посвящена определению содержания и типов действующих корреляционных структур внутри образа счастья. Анализируется интенсивность актуализации конструктивных когнитивных признаков в разных возрастных группах респондентов. Результатом исследования является создание структурной модели взаимодействия когнитивных признаков внутри образа счастья.

Ключевые слова: образ сознания, когнитивный признак, корреляция, идентификация.

Happiness Images in Naive Consciousness (Experimental Aspect)

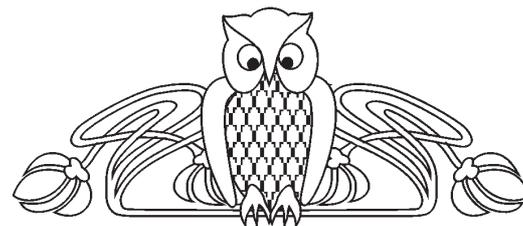
E. V. Maksimiyuk

The article is devoted to the definition of content and acting types of correlation structures inside the image of happiness. Actualization intensiveness of constructive cognitive marks is analyzed in different age groups of respondents. Investigation result is structural model creation to show cognitive marks interaction inside the image of happiness.

Key words: consciousness image, cognitive mark, correlation, identification.

Сознание человека – это осмысление им мира, форма отражения мира, существующая и имеющая смысл только в обществе; как общественный феномен оно является социально опосредованным отражением действительности. В образах счастья отражаются отношения личности к обществу, к человеку, эксплицируются как общественно значимые, так и личностные интересы и потребности, мотивы, идеалы, ценностные ориентации и установки индивида, регулирующие его поведение во всех сферах жизни.

Поскольку инструментом сознания является язык, анализ «овнешненных» языковыми средствами образов сознания, способов репрезентации знаний о мире позволяет нам выйти как на общечеловеческую картину мира в сознании, так и на более узкие социумные и индивидуальные представления о данной когнитивной сущности счастья. «В национальной памяти кроются глубинные черты языкового выражения всех аспектов мировосприятия, нравственного сознания, убеждений, идеалов, направленности личности»¹. Поэтому идентификационные системы являются существенным признаком качественной структуры на психологическом уровне, они могут рассматриваться как фрагмент языковой картины мира, как своеобразная модель сознания и одна из форм овнешнения образов сознания.

Образы счастья представляют для нас интерес в силу ярко выраженной контаминированной смысловой структуры, в рамках которой объективная сторона будет представлена знаниями принципов и норм общества, знаниями общечеловеческих ценностей, а субъективная сторона будет отражать личностные представления о нравственных принципах, нормах, ценностях, являющихся основой взаимоотношений между людьми. Таким образом, можем отметить двоякую направленность нашего исследования – от общего к частному (от общих признаков и структур к частным) и, наоборот, от частного к общему. Последняя направленность мотивируется тем, что «каждая личность формируется под влиянием общественного опыта, на ее формирование оказывают влияние также такие факторы, как нравственные мотивы, отношение к людям, к обществу, потребности, интересы, идеалы»².

Семиологический подход к изучению сознания также предполагает изучение дискурса как семиосферы в рамках дихотомии «свое» – «иное». Метод идентификационных систем, используемый нами при эксперименте, позволяет выявить и объяснить множественность оснований для установления общности представлений.

В рамках определения когнитивной сущности феномена счастья общность определяется через обусловленность единой информационной базой индивида и опорой на разные формы репрезентации образа мира как продукта переработки многостороннего индивидуального и социального опыта индивида. В исследовании демонстрируется градуальность переживания близости представлений. Через слово (идентификацию представления) индивид сам для себя разъясняет происходящее: через объекты, события, качества, свойства, отношения, которые оказываются в фокусе внимания его сознания в момент идентификации, с учетом свойств, которые реализуются на разных уровнях осознаваемости как «выводное знание – представление». При этом происходит концентрация внимания на какой-то одной особенности объекта, порой несущественной, но затемняющей все остальные характеристики и актуальной по принципу «для меня здесь и сейчас».

В качестве экспериментальной методики среди респондентов использовался направленный семантический эксперимент с письменной

фиксацией ответов. Лимит времени на ответы при этом не устанавливался. В первую группу респондентов в нашем исследовании вошли учащиеся 9–11 классов школы-гимназии № 12 г. Омска. Выбор именно этой возрастной группы контингента обусловлен тем, что подростковый период особенно сенситивен к деятельности, связанной с общением с людьми, усвоением норм, правил, моделей поведения, а следовательно, с формированием языкового сознания. Это отражается в формирующихся в когнитивном сознании образах и их вербальном выражении. В дискурсе подростков часто можно найти когнитивные структуры и признаки неунифицированного характера, что отражает, с одной стороны, динамику развития языкового сознания школьников, а с другой, намечающуюся перестройку данного фрагмента образа мира.

Репрезентативность выборки второй группы респондентов, в возрасте от 18 до 54 лет, была обеспечена участием студентов и представителей разных профессий (в основном – административный персонал предприятий г. Омска). Присутствие второй группы респондентов обусловлено тем, что их образы сознания, в отличие от корреляционных структур сознания первой группы, характеризуются большей степенью оформленности и константности компонентов в силу неоднократного соотнесения их с устоявшейся когнитивной базой опыта, что позволило нам выявить и сформировать стержневую структуру образа, определить ядерные перманентные компоненты самого образа и его оценки сознанием говорящего.

В задании содержалось слово-стимул, выполняющее функцию векторного направляющего сознания на определенный фрагмент образа сознания, с одной стороны, и образа действительности – с другой. Таким образом, был создан искусственный тоннель к выходу не только на базовые, но и на периферийные зоны образа и сознания. Этот этап эксперимента позволил эксплицировать стереотипный фрагмент образа сознания, отражающего общее упрощенное представление о данном явлении. Но стереотипность не дает полного тождества у респондентов или типичного осознания ими данного фрагмента действительности. Они отражают лишь определенную форму категоризации действительности, играющую роль призмы, через которую человек смотрит на мир. Данный эксперимент представляется результативным в плане выявления базовых когнитивных признаков образа счастья. Последующие планируемые эксперименты будут направлены на выявление интегральных и дифференциальных компонентов образа, на реконструкцию и освещение его периферийных и индивидуально детерминированных зон.

Обработка результатов направленного семантического эксперимента состояла из нескольких этапов:

1. Предварительная обработка анкет.
2. Обработка данных и сортировка их в зависимости от представленного в них вида когнитивной корреляции.
3. Анализ, выявление и описание характерных признаков и особенностей представления каждого вида корреляции в ответах респондентов разных возрастных групп.
4. Суммирование в таблице данных частотности актуализации представленных когнитивных признаков с учетом параметра возраста и выбранного вида корреляционной структуры (концепции).
5. Схематическое представление структуры образа счастья. Выстраивание общей структурной модели образа счастья по данным анализа результатов эксперимента.

Результаты анализа данных первого этапа эксперимента позволили нам выделить в рамках общего представления о счастье четыре основных разновидности корреляции: сенсорно-перцептивную, социальную, фатумную и интенциональную. Теперь остановимся и отметим характерные признаки каждой из них.

Сенсорно-перцептивный образ счастья. В рамках данного вида корреляции счастье трактуется как определенного рода оценка эмоционального состояния. Ведущими когнитивными признаками при этом выступают: спокойствие, равновесие, довольство, гармония, радость, бодрость, энергия, удовлетворение. Счастье представляется как определенное состояние души, то есть имеет определенное рода локальную детерминированность: *На душе радостно.*

При этом сам образ переживания может передаваться как через форму категории состояния (*радостно, весело*), так и посредством метафорических оборотов, в рамках которых состояние приобретает вид активно действующего субъекта: *В душе царит спокойствие.*

Олицетворяться могут не только состояния, но и их локализаторы: *Душа поет.*

У взрослых респондентов в большей степени отмечается апелляция к прецедентным текстам и прецедентным высказываниям при выражении своих чувств: наблюдается ситуация наложения типовых ситуации (образов): *Счастье – состояние души, когда тишь, да гладь, да божья благодать.*

При этом следует отметить приоритет «семантики равновесия» у взрослых респондентов над «семантикой максимализма» подростков. Взрослыми счастье понимается как *душевное равновесие, равновесие между желаниями и возможностями (гармония, спокойствие души, удовлетворенность)*, а подросткам свойственно выражать смыслы посредством градационной шкалы с аксиологизацией интенсифицированной зоны максимума: *счастье – это огромная радость, когда все превосходно, прилив бодрости и энергии, когда тебя переполняют чувства.* В парадигме

языковых средств выражения предпочтение отдается кванторной лексике, передающей смыслы большого объема/охвата – *огромный, громадный*, и приставкам «пре» и «пере», морфологическим средствам передачи смысла избытка качества – *превосходно, переполняют, переизбыток*.

В рамках сенсорно-перцептивной корреляции отмечается тесная сопряженность когнитивных признаков счастья с фактором их временной протяженности, присутствия. Акцент делается на непродолжительности состояния, квалифицируемого сознанием как счастливое. Особенно четко данная тенденция прослеживается в ответах взрослых респондентов: *Счастье – это временное и неподдающееся контролю со стороны человека состояние...; Счастье – это мгновение, вспышка; Счастье – это непродолжительное состояние, не более трех минут, когда...*

Несмотря на позитивную оценку самого образа счастья, фактор временной протяженности (непродолжительности) эксплицируется на фоне эмоционально-оценочного модуса – сожаления: *Счастье, к сожалению, это непродолжительное состояние, когда забываешь о проблемах...*

В рамках **социального вида корреляции** образов в сознании респондентов счастье рассматривается как:

– *успешность деятельности*. Данный образ, как правило, выражается посредством общеоценочных высказываний, в рамках которых категория состояния с квантором всеобщности расширена локативными определителями, демонстрирующими актуальные для референта стороны действительности: *Счастье, когда все хорошо в школе, в семье, на работе*.

При этом наблюдается структурная и содержательная эквивалентность в ответах респондентов разных возрастных групп с той малой долей различия, что вектор внимания взрослого направлен в большей степени на семью и работу (карьеру), а у подростка – на школу и друзей (или возлюбленного/ую/);

– *осознание индивидом ценности межличностных отношений, близких к национальным эталонам*. При выражении данного типа корреляции образов сознания респондентами отдается предпочтение конструкциям, содержащим ряд предикатов, образующих суггестированную парадигму действий, характерных для отношений дополнительной дистрибуции: *нужен, ждет, заботится, беспокоится, переживает, помогает, поддерживает*. Дополнительная интенсификация достигается путем конкретизации: абстрактные конструкции типа: «кто-то ждет» сменяют высказывания с более конкретной семантикой обозначения агенса и пациенса: *родные, близкие, друзья, коллеги, родственники* – это не просто положительно оцениваемые социумом роли, это и свидетельство о заслугах человека и о наложении на него определенных обязательств, как то следование морально-этическим предписаниям,

канонам жизнедеятельности, характерным для данного социума. При этом субъектно-объектная конкретизация может усиливаться темпоральными и локативными определителями с фронтальным значением всеохватности, подчеркивающим, с одной стороны, актуальность времени и места происходящего, а с другой, индифферентность к ним: *Счастье – это понимание, что ты кому-то нужен, что кто-то ждет и заботится о тебе. Это близкие, родные, друзья. Счастье, когда они готовы помочь тебе в любой ситуации в любой момент времени*.

В высказываниях соответствие эталону может подчеркиваться включением определителя, свидетельствующего о соответствии индивида стереотипу поведения: *Счастье, когда имеешь много настоящих друзей*.

Ценность обладания растет прямо пропорционально росту количественного состава.

Процессом социологизации, становлением личности и характера, связанными с возрастными особенностями, объясняется аксиологизация подростками когнитивных признаков: любви и взаимности, актуализируется фактор востребованности и положительной оценки человека обществом, маркером счастья становится присутствие/обретение взаимопонимания во всех сферах жизнедеятельности (в школе, дома, на улице – со стороны учителей, родных и близких). Эксплицируется потребность подростка в присутствии моральной опоры – друзей, близких, характеризуемых когнитивными признаками – надежности, верности, преданности: *Счастье, когда много друзей, на которых можно положиться; Счастье, когда тебя любят и понимают*.

Вышеперечисленные аспекты образов счастья присутствуют и в ответах взрослых респондентов, но не доминируют в них.

В рамках **фатумного корреляционного образа** счастье трактуется как удача и везение. Наиболее частотной формой выражения является апелляция к безличным конструкциям: *Счастье – это везение во всех делах*.

Аксиологизируется не просто результативность, а ее масштаб и условия достижения (отсутствие каких-либо внешних или внутренних препятствий). Критерий множественности может актуализироваться посредством одной лексемы, передающей значение всеохватности (*всегда, во всех*), а также через перечислительный ряд: *Везение в делах, в работе, в личной жизни, в любви*.

При этом большое значение придается темпоральным определителям процесса: аксиологизируется синхронность присутствия данного когнитивного признака – *везения* – сразу в нескольких парадигмах деятельности человека: *Счастье – это одновременное везение в картах и любви*.

Представление счастья в образе исполняющейся мечты можно квалифицировать как **интенциональную разновидность корреляции**. В рамках данного подхода счастье трактуется как

некая цель, поставленная человеком, а достижение этой цели знаменует достижение счастья: *Счастье – это достигнутая цель (мечта, которая осуществляется).*

При этом аксиологизироваться может как результат, так и сам процесс: *Счастье – это цель, к которой стремится каждый человек.*

В данном примере отражается когнитивный признак универсальности и константности присутствия образа счастья в сознании человека.

Поссесивный образ счастья. Все ранее описанные образы счастья в сознании людей могут быть выражены в рамках поссесивного подхода к представлению счастья через притяжательные конструкции: *счастье, когда имеешь...; счастье, когда у тебя,* или же через прямую номинацию, знаменующую смысловой эллипсис (предельно сжатая в формальном отношении конструкция, семантическая наполненность которой значи-

тельно шире внешней). Эллипсис осуществляет отсылку к определенному стереотипу или же к прецедентной ситуации, фрейму, хранящемуся в сознании говорящего и воспринимающего сообщения: *Счастье – это здоровье; Счастье – это деньги; Счастье – это друзья.*

Степень актуальности (частотность) вышеобозначенных когнитивных признаков для респондентов разных возрастных групп отражена в таблице. Отмечаем, что деление на концепции в данном случае весьма условно, поскольку детерминация сфер жизнедеятельности человека тоже весьма условна, личное и социальное зачастую тесно переплетаются, образуя общие области при сохранении размытости и взаимопроницаемости границ. Это же можно сказать и о других представленных видах корреляции, например, интенциональный вид корреляции может быть представлен фатумной разновидностью и наоборот.

Степень актуальности когнитивных признаков счастья у респондентов разных возрастных групп

Когнитивный признак	Тип корреляции	Частотность признака, %		Частотность концепции, %	
		До 17 лет	После 17 лет	До 17 лет	После 17 лет
Душевное спокойствие/равновесие	Сенсорно-перцептивная	4	26	79	41
Гармония		2	12		
Радость		13	6		
Удовлетворение		2	8		
Любовь/взаимность		17	12		
Непродолжительность		3	15		
Мечта	Интенциональная	1	2	4	1
Желание = возможности		0	2		
Везение	Фатумная	5	4	4	5
Здоровье	Социальная, чаще всего выраженная в рамках поссесивного подхода	4	6	13	53
Достаток		4	1		
Друзья		9	2		
Понимание		13	4		
Уважение		8	0		
Востребованность		15	0		

Данная таблица не отражает всех когнитивных признаков счастья в рамках общего представления, но в ней отражены наиболее частотные из них.

Когнитивные признаки внутри образа счастья коррелируют между собой: счастье как цель и результат успешной жизнедеятельности (дома, на работе, в школе, во взаимоотношениях с близкими и родными) тесно сопряжено с аксиологической оценкой духовного и физического состояния индивида. В этом случае коррелятами счастья становятся состояния спокойствия, равновесия, довольства, гармонии, удовлетворения, радости, ощущение полета, прилива бодрости и энергии. Ощущение счастья людям приносит обладание хорошим образованием, престижной и высокооплачиваемой работой, крепким здоровьем и стабильным достатком. Когнитивный признак ста-

бильности также актуален и в рамках коррелятивной группы: счастье – дружба, счастье – любовь. Когнитивными компонентами образа при этом выступают взаимопонимание, доверие, преданность, взаимная забота и потребность друг в друге. Именно эта коррелятивная группа маркирована темпоральными показателями – недолговечности, прерывистости, стихийности.

Разная идентификация представления о счастье создает ситуацию замыкания признаков и позволяет провести сравнение переживаний разных фрагментов образа мира. Продуцирование определения счастья респондентами производится по принципу проксимации. Проксимация – это динамический процесс, специфика которого определяется взаимодействием человека с окружающим миром³. Для человека проксимация

определяется субъективным значением переживаемой ситуации, эмоциональным переживанием, регулированием отношений с людьми, корректировкой собственной самооценки. С точки зрения проксимации близость значения различных когнитивных признаков можно трактовать как разную интерпретацию (идентификацию) одной и той же ситуации отдельными людьми под влиянием социальных и личных факторов⁴.

Исследование идентификационных систем есть путь доступа к процессам оперирования знаниями разных типов в рамках сознания на уровне их вербальной экспликации.

Анализ результатов осуществляется нами посредством соотнесения языковой информации со схемами знаний, с учетом того, что в процессе идентификации в сознании индивида осуществляется осознанное и неосознанное сопоставление текущей информации с продуктами предшествующего опыта, охватывающего все многообразие увязываемых со словом (в данном случае с лексемой «счастье») чувственных впечатлений и переживаний. При идентификации понятия респонденты опираются на множественные источники информации, которые могут находиться между собой в состоянии разной степени согласованности или конфликта⁵. В процессе вербализации определения счастья «ключи-опоры» интегрируются. Представленное понятие есть отражение принятого решения на основе результата интеграции соответствующих структур, хранящихся

в памяти. Идентификационные системы имеют стратегическую природу⁶. Стратегии идентификации функционируют на разных уровнях осознаваемости. Идентификационные системы дают богатый материал для моделирования ментальных репрезентаций и определения степени варьирования содержания образа в зависимости от стратегии презентации знания, избранной респондентом.

Примечания

- ¹ Крыга Т. Семантико-ассоциативные связи слова как отражение национально-культурного менталитета // Языковое сознание : содержание и функционирование. XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации : тезисы докл. (Москва, 1–3 июня 2000 г.). М., 2000. С. 131–132.
- ² Величковский Б. Когнитивная наука : Основы психологии познания : в 2 т. М., 2006. Т. 1. С. 48.
- ³ См.: Лебедева С. Синонимы или проксонимы. Курск, 2002. С. 23.
- ⁴ См.: Ломов Б. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984. С. 34.
- ⁵ См.: Сазонова Т. Скрытые механизмы речевой коммуникации : модели и процессы // Психолингвистические исследования слова и текста. Тверь, 1997. С. 76–82.
- ⁶ См.: Сазонова Т. Опора на формальные элементы при идентификации нового слова // Слово и текст : актуальные проблемы психолингвистики. Тверь, 1994. С. 65–70.